

РАДУН Анна Андреевна

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В
ПОЛЬСКОЙ ПРЕССЕ 1863-1905 ГГ.

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

12 ЯНВ 2012

Москва
2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры факультета культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственной академии славянской культуры»

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, профессор

Мельников Г.П.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Гросул В.Я.

кандидат культурологии, доцент

Пак Е.В.

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук «Институт славяноведения РАН»

Защита состоится «18» сентября 2012 г. в «12» на заседании Диссертационного совета Д 212.044.01 в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Государственной академии славянской культуры».

Адрес: Москва, 125373, ул. Героев Панфиловцев, д.39, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Государственной академии славянской культуры».

Автореферат разослан «14» сентября 2011 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета Д 212.044.01

кандидат философских наук,

профессор ГАСК

С.И. Бажов

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Работа посвящена анализу образа России и русской культуры в польской прессе второй половины XIX в (1863-1905 гг.). Исследуется формирование польской оптики России в условиях утраты независимости Польши в результате ее разделов; выявляются идеологемы, оказавшие решающее влияние на формирование этого образа, который характеризуется такими определениями, как негативный и пейоративный; рассматривая функционирование данного образа в польской, преимущественно консервативной, прессе как виде коммуникации, формировавшим в XIX в. общественное мнение; вариативность этого образа, его константы и персонафицированное выражение. Также анализируется реакция русской прессы, прежде всего официальной и консервативной, на функционирование негативного образа России и русских в польском общественном сознании и трансляции польской прессой этого образа, придававшей ему черты негативного «пабликрейшен» общеевропейского масштаба.

В центре данной работы стоят проблемы формирования и использования в общественной жизни стереотипов, связанных с образом «другого», который создается в конкретной этно-культурной среде под воздействием тех идеологем, которые вырабатывает культура данного социума. Детерминанты этого процесса в достаточной степени поливариантны, однако доминирующие позиции занимают факторы исторического и историко-культурного развития и их специфическое осознание конкретным социумом. В сфере социума на этой базе возникает стереотип восприятия «другого», выражаемый термином «миф», как он понимается в современном гуманитарном знании.

Актуальность исследования «образа другого» общепризнанна в современной науке. С ним связано инновационное направление – имагология, посвященное исследованию формирования и функционирования образных стереотипов, мифов как экзогенных и эндогенных концептов. Применение имагологической методики к исследованию избранной темы научно актуально, так как продолжает линию польско-российских исследований, намеченную рядами трудов, изданных под эгидой Института славяноведения РАН, получивших широкий резонанс. Также необходимо отметить, что в современной культурологии актуальны проблемы культурной идентичности, в том числе фактор национальной самоидентификации, под влиянием которого образ другой страны и народа приобретает часто негативные черты.

Особую актуальность в настоящем исследовании имеет рассмотрение экспликация основной идеологемы польского общества – мессианизма на такие важные культурологические категории, как - оппозиция свой-чужой,

- дихотомия сакральное-светское,

- цивилизационные различия: понимание России как части Азии, в связи с чем вырабатывалось противопоставление «варварской» России «цивилизованной» Польше,

- мифологизация идеологии в польской среде (сарматизм и мессианизм как взаимосвязанные типы идеологизированного культурного мышления).

Следующий аспект актуальности темы лежит в самом предмете исследования – российско-польских отношениях. Начиная еще с XVII в. они всегда характеризовались амбивалентностью. Как известно, историческая конфликтность этих отношений парадоксально сопровождалась интенсивным взаимным культурным обменом и влиянием. О позитивных для обоих народов сторонах этого процесса написано огромное количество работ, тогда как негативные аспекты прямо замалчивались до недавнего времени, обострившего российско-польские отношения в начале XXI в. Исходя из вульгарно трактуемого тезиса «дружба народов», подразумевавшем пропаганду взаимообогащающих феноменов и сотрудничество «прогрессивных» и демократических сил обоих обществ, оставались в тени те явления, которые не вписывались в этот новый миф, но которые были ярким феноменом, характеризовавшим сформировавшийся негативный образ друг друга. Такая культурно-идеологическая оптика инновационна для отечественной науки.

Рассмотрение культурно-исторических корней негативного мифологизированного стереотипа восприятия России и русских польским социумом, при всей социокультурно- и политическодетерминированной вариативности его оптики, позволяет осознать не только генезис польской русофобии, но и его специфическое выражение в культуре. Здесь приоритетность в коммуникативной сфере принадлежит единственному, поэтому всемогущему СМИ XIX века – прессе, а также публицистике, тесно с ней связанной. Представляется, что именно польская пресса способствовала укоренению в сознании поляков имагологического стереотипа русских, который взял на себя функцию исторического мифа и в таком качестве существовал и во многом продолжает существовать в польском сознании и польской культуре, входя в группу факторов, поддерживающих традиционный тип самосознания, польскости, обязательно включающий в себя негативный образ «другого» как средство самоутверждения. Осознание поляками своей специфичности исторически вырабатывалось в конфронтации с немецкой и русской этнокультурными общностями.

В нашем случае исследование той части польской прессы и публицистики, которая внушала полякам негативный образ не только русского царского правительства, но и русского народа как этно-исторической общности и России как государственного образования, чрезвычайно актуально также для верного понимания польского отношения к России в наши дни, когда актуализировались старые исторические конфликты и произошли новые инциденты, выявившие глубинный континуитет польской русофобии, манифестантным выражением которой стала польская публицистика XIX в., составляющая главный предмет исследования в данной работе.

Степень научной разработанности темы исследования.

В польской историографии мессианизм обычно рассматривается в свете деятельности поэтов-романтиков XIX века: Мицкевича, Словацкого,

Красиньского. Историки философии в основном обращают внимание на А.Товьяньского, Ю. Хёне-Вроньского и пр. В свете исторического развития социализма и работ 60-х годов можно выделить историка Александра Бохеньского, который в своем труде «Путешествия по развитию польской промышленности» указывает на влияние мессианизма на польскую интеллигенцию после 1830 года¹. Также можно отметить культурологическую работу Б. Суходольского о польской культуре в целом².

Профессор В.Вонсик сопоставлял деятельность Ю. Вроньского и Б.Трентовского, отмечая при этом, что на польских романтиков значительное влияние оказал немецкий идеализм³. М. Янион рассматривает польский романтизм в литературоведческом ключе. Не так давно появилась работа о взаимоотношениях З. Красиньского с Россией польского исследователя Е. Феcko «Россия Красиньского. Слово о несоединяемом»⁴. Стоит отметить и сборник работ, посвященный польскому мессианизму и славянофильству⁵.

Мессианской стороне творчества Мицкевича посвящают внимание также польские исследователи, как: Вайнтрауб В.⁶, Валицкий А.⁷, Стефановска З.⁸, Допарт Б.⁹, Пигонь С.¹⁰ Среди общих работ о Мицкевиче можно выделить работы Белзы В.¹¹, Хмелёвского П.¹², Лубеньского Т.¹³, Бахужа Й.¹⁴, Цехановича Й.¹⁵, Дерналович М.¹⁶, Янион М.¹⁷

¹ Bocheński A. Wędrowki po dziejach przemysłu polskiego. Warszawa, 1966. S.443.

² Suchodolski B. Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1980.

³ Wąsik W. Historia filozofii polskiej, t. II. Romantyzm. Warszawa, 1966.

⁴ Fiecko J., Rosja Krasińskiego: Rzecz o nieprzejednaniu. Poznań, 2005.

⁵ Messianisme et slavophilie. Colloque polono-français. 2-7 octobre 1985, Cracovie, 1987.

⁶ Weintraub W. Poeta i prorok: Rzecz o profetyzmie Mickiewicza. Warszawa, 1998.; Он же. Profecja i profesura, Mickiewicz, Michelet i Quinet. Warszawa, 1975.; Он же. Mickiewicz - mistyczny polityk i inne studia o poecie. Warszawa, 1998.

⁷ Walicki A. Filozofia a mesjanizm: Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego. Warszawa, 1970., Он же, Mesjanizm Adama Mickiewicza w perspektywie porównawczej. Warszawa, 2006.

⁸ Stefanowska Z. Historia i profecja: Studium o "Księgach narodu i pielgrzymstwa polskiego" Adama Mickiewicza. Warszawa, 1962.; Ifi ó. Katechizm pielgrzymstwa polskiego. Warszawa, 1955.; Она же. Próba zdrowego rozumu: Studia o Mickiewiczu. Warszawa, 1976.

⁹ Dopart B. Poemat profetyczny: O "Dziadach" dreźniekich Adama Mickiewicza, Kraków, 2002.

¹⁰ Pigoń S. O księgach narodu i pielgrzymstwa polskiego A. Mickiewicza, Kraków, 1911.

¹¹ Belza W. Kronika potoczna i anekdotyczna z życia Adama Mickiewicza, Lwów, 1884.; Он же. U kolebki wieszczka: Żywot Adama Mickiewicza, Lwów, 1898.

¹² Chmielowski P. Estetyka Mickiewicza, Lwów, 1898.; Он же. Filozoficzne poglądy Mickiewicza, Warszawa, 1899.; Он же, Kobiety Mickiewicza, Słowackiego i Krasińskiego, Warszawa, 1881.;

¹³ Łubieński T. M jak Mickiewicz. Warszawa, 2003.

¹⁴ Bachórz J. Łak pachnie na Litwie Mickiewicza i inne studia o romantyzmie. Gdańsk, 2003.

¹⁵ Ciechanowicz J. Droga geniusza: (O Adamie Mickiewiczu). Wrocław, 1998.

¹⁶ Dernałowicz M. Kronika życia i twórczości Mickiewicza: Paryż, Lozanna: Czerwiec 1834 - październik 1840. Warszawa, 1996.

¹⁷ Janion M. Purpurowy płaszcz Mickiewicza: Studium z historii poezji i mentalności. Gdańsk, 2001.

Также заслуживают внимания специальные монографии, посвященные взаимоотношениям Мицкевича с Россией и его исследованиям по истории славянской литературы. Бараньский З.¹⁸ пишет о присутствии Мицкевича в русской поэзии, Муха Б.¹⁹, Колбушевски С.²⁰ занимаются периодом эмиграции Мицкевича в России, Кузак М.²¹ рассматривает культурологические дискурсы в его творчестве, а Батовски Х.²² – аспект изучения Мицкевичем литературы и истории славян.

До революции 1917 г. российским исследователям были хорошо известны труды мессианистов А.Мицкевича, А.Товьянского. В частности В.С. Соловьев в своей статье для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона связывал мессианизм с философией А.Товьянского²³. Из славистов советского времени одним из первых на проблему польского мессианизма обращает внимание выдающийся искусствовед, музыковед И. Бэлза в своей монографии «История польской музыкальной культуры»²⁴, связывая мессианизм польских писателей-романтиков с идеалистическими концепциями польской философии того времени, указывая основоположников Ю. Хёне-Вроньского. В дореволюционной России мы наблюдаем неподдельный интерес к творчеству А.Мицкевича, особенно в трудах выдающегося русского слависта А.Л. Погодина, в которых он обращает значительное внимание на отношения Мицкевича и Товьянского, а также на курс лекций по славянской литературе и критически оценивает мессианскую сторону его творчества²⁵. Среди ранних монографий о Мицкевиче также можно отметить работу В.А. Мясотина²⁶. Пик монографий о Мицкевиче в советской науке пришелся на 1955 год, когда отмечали 100 лет со дня смерти великого польского поэта. Среди этих работ можно отметить Горского И.К.²⁷, Живова М.С.²⁸, Стахеева Б.Ф.²⁹, Беккера И.И.³⁰, а также библиографию Адам Мицкевич в русской печати, 1825-1955³¹. В этот же период появилось исследование по связям Мицкевича с филоматами (1819-1821)³². Среди современных исследований, посвященных Мицкевичу, особое место занимают исследования по влиянию Мицкевича

¹⁸ Barański Z. Mickiewicz w poezji rosyjskiej: Antologia. Poznań, 2001.

¹⁹ Mucha B. Adam Mickiewicz czasów emigracji i Rosjanie. Łódź, 1997.

²⁰ Kolbuszewski S. Twórczość Mickiewicza w kraju i w Rosji: Z wypisami. Katowice, 1946.

²¹ Kuziak M. Wielka całość. Dyskursy kulturowe Mickiewicza. Słupsk, 2006.

²² Batowski H. Mickiewicz jako badacz słowiańszczyzny. Wrocław, 1956.

²³ Энциклопедическое издание. Брокгауз и Ефрон. т.ХІХ. СПб., 1896. с.150

²⁴ Бэлза И.Ф. История польской музыкальной культуры. Т.3., М., 1972.

²⁵ История славянских литератур А.Н. Пыпина и В.Д.Спасовича. 2-е изд-е., В 2 Т., СПб., 1881.; Погодин А.Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество. Т. 1-2., М., 1912.

²⁶ Мясотин В. А. Мицкевич, его жизнь и литературная деятельность: Критический очерк. СПб., 1891.

²⁷ Горский И.К. Адам Мицкевич. М., 1955.

²⁸ Живов М.С. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. М., 1956.

²⁹ Стахеев Б.Ф. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955.

³⁰ Беккер И.И. Мицкевич в Петербурге. Л., 1955.

³¹ Адам Мицкевич в русской печати, 1825-1955. Библиографические материалы. М., 1957.

³² Ланда С.С. Мицкевич и филоматы, 1819-1821: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. филологических наук. М., 1958.

на русскую и польскую культуру в целом, среди которых можно отметить работы Бэлзы И.Ф.³³, Ивинского Д.П.³⁴, монографию под ред. В.А.Хорева³⁵, монографию «Мицкевич в русской литературе»³⁶.

Польской культуре XIX в. посвящен обширный пласт исследований, особенно, связанных с творчеством А.Мицкевича, Ю.Словацкого, Ф. Шопена, И. Лелевеля, Я. Домбровского. Особое место занимают работы по польскому литературоведению³⁷. Поэтическим творчеством Словацкого, Красиньского, польской театральной культурой занимается Л.А. Софронова³⁸. Из современных работ по польской культуре можно выделить сборник статей «Польская культура в зеркале веков»³⁹, а также общие работы как польских исследователей, так и отечественных по истории польской культуры XIX в.⁴⁰

Отечественный корпус, посвященный современным польско-русским исследованиям историко-культурной направленности характеризуется, в первую очередь, работами В.А. Хорева⁴¹, С.Н. Фалькович⁴²,

³³ Бэлза И.Ф. Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры: Монография. М., 1988.

³⁴ Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М., 2003.

³⁵ Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Отв.ред. В.А.Хорев. М., 2007.

³⁶ Мицкевич в русской литературе. М., 1998.

³⁷ Брандт Р.Ф. Обзор славянских литератур. История литературы болгарской, сербской и чешской. М., 1913.; История литератур западных и южных славян: В 3 томах. М.,1997.

³⁸ Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006.

³⁹ Польская культура в зеркале веков: Сборник статей. М., 2007.

⁴⁰ Literatura i sztuka drugiej połowy XIX wieku: światopoglądy, postawy, tradycje, Lublin, 2004.; Brückner, Aleksander (1856-1939) Dzieje kultury polskiej, Warszawa, 1958.; Собакина О.В. Портреты польских музыкантов: очерки по истории польской музыкальной культуры. СПб., 2010.

⁴¹ Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре/Отв. ред. В. А. Хорев. - М., 2007; Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004; Россия - Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2002.; Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2005.; Хорев В. А. Вновь о балладах Мицкевича в переводах Пушкина // Адам Мицкевич (к 200-летию со дня рождения). М., 2000. С. 56-65.; Хорев В. А. Польское восстание 1830 г. и развитие стереотипа восприятия Польши в русской литературе. // Polacy a Rosjanie. Materiały z konf. "Polska-Rosja". Warszawa – Płock, 14-17 maja 1998 r. Warszawa, 2000. С. 97-105.; Хорев В. А. Русский европеизм и Польша //Славяноведение. 2004., №1, С. 5 - 28.; Хорев В.А. О стереотипе и убеждении в литературе // «Путь романтический совершил...»: Сборник статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996. С. 150-167.

⁴² Фалькович С.М. Влияние культурного и политического фактора на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках. // Культурные связи России и Польши XI-XX вв. М., 1998. - 213 с.; Фалькович С.М. Национальное возрождение народа в условиях территориально - государственной раздробленности (на примере истории западных польских земель) // Науковий вісник Ужгородського університету. – Ужгород. Вип. 8, 2003. С. 19-23.; Фалькович С.М. Польская демократическая эмиграция 60 - 70-х гг. XIX века о проблеме “забранных земель” и взаимоотношения польского и российского освободительного движения // Проблемы славяноведения, 2006., Вып.8., С.220-232.; Фалькович С.М. Польское национально - освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом (конец XVIII - начало XX в.) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI- XX вв., М., 2002. С.228-242.; Фалькович С.М. Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия - Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре, М., 2002., С.99-109.

М.В. Лескинен⁴³, Л.Е. Горизонтова⁴⁴, М.Д. Долбилова⁴⁵. В основном это имагологические исследования, посвященные теме восприятия в русской среде образа поляка и польской культуры как в целом, так и в ее составных частях и отдельных феноменах.

М.Н. Каткову посвящены работы С.М. Саньковой⁴⁶, А.Л. Брутян⁴⁷, среди исследователей жизни и политической деятельности М.Н. Муравьева принадлежит М.Д. Долбилову⁴⁸ и Д. Сталюнасу⁴⁹.

Монографии по русскому консерватизму представлены достаточно широко⁵⁰, выпускаются и тематические сборники⁵¹.

⁴³ Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой, М., 2002.; Она же. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: "другой" сквозь призму идентичности. М., 2010.

⁴⁴ Горизонтов Л.Е. Выбор носителя "русского начала" в польской политике Российской империи. 1831 - 1917. // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107-116; Он же. Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше. М., 1999; Он же. Польский вопрос в кругу "роковых вопросов" Российской империи (1831 год - начало XX века) // Государственное и муниципальное управление в России: история и современность. Самара, 2004. С.65-80.; Он же. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе "разрушительных сил". // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 143-167.; Он же. Русско - польское противостояние XIX - начала XX века в геополитическом измерении // География и политика. Вып 2. М, 2006. С. 9-32.

⁴⁵ Долбилов М. Д., Сталюнас Д., "Обратная уния": проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865 - 1866 годы). //Славяноведение. 2005., №5., С.3-34.; Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д. Долбилов и А.И. Миллер. М., 2006.; Долбилов М. Д. Консервативное реформаторство М. Н. Муравьева в Литовско - Белорусском крае (1863 - 1865 гг.). // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. С. 111 - 129.; Он же. Полонофобия и политика русификации в Северо - Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С.127-174.; Он же. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁴⁶ Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности: М.Н. Катков как идеолог государственного национализма: исторический аспект. СПб., 2007.; Она же, Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818 - 1856). М., 2008.

⁴⁷ Брутян А.Л. М.Н. Катков: социально-политические взгляды. М., 2001.

⁴⁸ Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско - Белорусском крае в 1863 - 1865 гг. как объект историко - антропологического анализа // АСТНО NOVAM., 2002., С. 338 - 408.; Он же, М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно - бюрократического реформаторства // Отечественная история, 2002, №6, С.67-90.; Он же, "...Считал себя обязанным в сем участвовать": почему М. Н. Муравьев не отрекся от Союза благоденствия // Консерватизм в России и мире. Ч.1., 2004, С.191-217.; Он же, Консервативная программа М. Н. Муравьева в реформаторском аспекте // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2000., С. 173-181.

⁴⁹ Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо - Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863 - 1865) // Печать и литература. Свидетельства. Этнополитические программы и интерпретации. Искусство и театр. Биографика и мемуары. Вильнюс, 2002. Т.7., С.250-271.

⁵⁰ Новиков А.В. Российские консерваторы (М.Н.Катков, Д.А.Толстой, К.П.Победоносцев) и самодержавие (середина XIX - начало XX веков). Б.м., 2002.; Введение в проблематику российского консерватизма: уч. пособие., СПб., 2007.; Пушкин С.Н. Историкофилософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998.; Лотарев К.Н., Никотин А.Д. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие, Волгоград, 2008.

⁵¹ Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее, Воронеж, Вып.1., 2001.; Консерватизм и консерваторы в России, Оренбург, 2002.; Консерватизм и традиционализм на юге России, Ростов-на-Дону, 2002.; Российский консерватизм: теория и практика, Челябинск, 1999.; Идеология консерватизма в России, Волгоград, 2005.

В целом польско-российские исторические и культурные связи и взаимоотношения рассматриваются в научной литературе обеих стран давно и плодотворно. Русская наука XX в. почти не затрагивала тему польской русофобии, тогда как в польской науке она присутствовала, хотя крайне фрагментарно, в работах общего и частного характера, посвященных истории Польши под властью России. Современная польская историография по проблемам взаимоотношения поляков и русских и месту поляков в Российской империи отличается рассмотрением пенитенциарной системы Российской империи, польские исследователи указывали на отсталость России в целом и царский деспотизм. Также большое внимание уделяется месту поляка в государственном устройстве Российской империи и вкладу этнических поляков в русскую культуру. Так, в монографии А.Хвальбы рассматривается проблема «поляков на службе империи»⁵², феномен коррумпированности российских чиновников и русификаторская политика в целом⁵³. Л. Заштовт также уделяет внимание политике русификации Царства Польского, причем действия России он связывает с «цивилизационной деградацией Западного края»⁵⁴. Рекрутскому набору из польской среды и службе поляков в царской армии посвятил свою работу В.Цабан⁵⁵. Также польские исследователи уделяют большое внимание формированию так называемого «польского вопроса» в Российской империи (Х. Глембоцкий). Заслуживает внимания работа В. Трохимьяка о российско-польских культурных связях XIX и XX вв.⁵⁶ Отдельная монография о цензуре польской прессы в Царстве Польском принадлежит польскому исследователю Х.Балабуху⁵⁷.

По мнению польского историка Кенпиньского А., «Россия, которая была для поляков врагом номер один, стала главной проблемой польского романтизма, а от него ее унаследовал и XX век»⁵⁸. Внимание польских исследователей также привлекают и губернаторы Царства Польского, действия которых во многом повлияли на формирование негативного образа России и русских в целом. Так, Л.Химяк дает собирательный портрет русских губернаторов Царства Польского с 1863 по 1915 г.⁵⁹ С.Вех⁶⁰ в своей монографии «Общество Царства Польского в

⁵² Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa, Kraków 1999.

⁵³ Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861-1917. Kraków, 1995.

⁵⁴ Zasztowt L. Kresy 1832-1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997, S.365

⁵⁵ Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831-1873. Warszawa, 2001.

⁵⁶ Trochimiak W. Polsko-rosyjskie i rosyjsko-polskie związki społeczno-literackie i kulturalne w XIX i XX wieku. Warszawa, 2008.

⁵⁷ Bafabuch H. Nie tylko cenzura : prasa prowincjonalna Królestwa Polskiego w rosyjskim systemie prasowym w latach 1865-1915. Lublin, 2001.

⁵⁸ Ępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. W-wa, Kraków, 1990. S.79.

⁵⁹ Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863-1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999.

⁶⁰ Wiech S. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866-1896). Kielce, 2002.

глазах царской политической полиции (1866-1896)» утверждает, что российские жандармы поддерживали тот образ поведения жителей Царства Польского, который соответствовал устоявшемуся стереотипу польского национального сознания, обращая пристальное внимание, в первую очередь, на католических священников, с «которыми нужно вести непрестанную борьбу и у которых, увы, постоянно вырастают отсеченные головы»⁶¹. Царская политика в отношении поляков стала предметом интересных исследований Л.Яскевича («Царизм и польский вопрос на рубеже XIX и XX вв.»⁶²) и В. Родкевича («Российская национальная политика в восточных областях Империи (1863-1905)»⁶³). Последний для характеристики отношения российских властей к полякам оперирует термином «бюрократический национализм» (термин введен Э. Таденом⁶⁴). Он, как отмечает Родкевич, базировался на столкновении культурно-национальных элементов. Само существование империи зависело от «деполитизации нации»⁶⁵. Также заслуживает внимания книга авторитетного польского А. Новака «От империи до империи»⁶⁶.

Культурологический подход, послуживший ключом к проецированию мессианизма на стереотипизацию образа другого, разработан в трудах И.К. Кучмаевой⁶⁷, А.С. Панарина⁶⁸, В.Н. Расторгуева⁶⁹, М.Н. Громова⁷⁰, Е.Н. Селезневой⁷¹, М.В. Силантьевой⁷², В.И. Шамшурина⁷³,

⁶¹ Ibidem. S. 392.

⁶² Jaśkiewicz L. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku. Pułtusk, 2001. S.98.

⁶³ Rodkiewicz W. Russian Nationality Police in the Western Provinces of the Empire (1863-1905). Lublin, 1998.

⁶⁴ Новак. А.Указ. соч. С.457.

⁶⁵ Rodkiewicz W. Op.cit. S.275.

⁶⁶ Nowak A. Od imperium do imperium. Spojrzenia na historię Europy Wschodniej, Kraków, 2004.

⁶⁷ Кучмаева И.К. Расторгуев В.Н. Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования. - М., 2004; Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М., 2006.

⁶⁸ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. - М., 2002.; Панарин А.С. Славянский мир сегодня: очарованные странники на опасной дороге // Вестник Московского университета, Вып.4, 2003, №4, С. 5 - 15.

⁶⁹ Расторгуев В.Н. Национальная и политическая идентичность: полномочия власти и власть народа//Трибуна русской мысли, 2008., №8, С. 132-141.; Громов М.Н. Славянофильство: историко-философский аспект // История философии, 1999, №4, С. 125-134

⁷⁰ Громов М.Н. Россия и мировая цивилизация // Мир культуры. Труды ГАСК. Вып. 2., М., 2000. С.161-168; Селезнева Е.Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: Дис. д-ра филос. наук. - М., 2004

⁷¹ Селезнева Е.Н. "Имперообразующая" идея в российской истории как политический миф // Социально-гуманитарные знания. 1999., №4, С. 290-297

⁷² Силантьева М.В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т.10, Вып 2. - СПб., 2009. С.196-206; Силантьева М.В. Духовный путь русской интеллигенции и ее сегодняшние ответы на «вызовы» времени // Перспективы цивилизации. Философские проблемы. Уч. пособие. - М.: «МГИМО-Университет», 2009. С.540-561.

⁷³ Шамшурин В.И. Консерватизм и свобода. Краснодар: 2003, 474 с.; Шамшурин В.И. «Гуманитарная» социология: новые ориентиры и старые проблемы // Социологические исследования. 1992., № 2., С.61-69

Г.П. Мельникова⁷⁴ и других представителей культурологической школы Государственной академии славянской культуры. Феномен этнического стереотипа рассматривали также отечественные ученые, как В.А. Ядов⁷⁵ (концепция диспозитивной регуляции) и Л.М. Дробижева⁷⁶ (теория культурной дистанции).

Посвященная собственно теме данной диссертации историография минимальна. Так, можно выделить работу М.Хамота об образе поляков в польской периодической печати, в которой он, среди прочего, рассматривает отношение краковской печати к России и русским⁷⁷. Также в польской литературе тема лишь частично затрагивается в работах, посвященных партии станьчиков в Галиции и работам о польской философской, общественной и исторической мысли XIX в.⁷⁸ Стоит отметить работы классика философской польской мысли М. Здзеховского, в которых он всесторонне рассматривает

⁷⁴Мельников Г.П. Славянский ареал // Мир культуры. Труды ГАСК. Вып. 2., М., 2000. С. 150-161; Он же. Учебно-методический комплекс цикла славяноведческих дисциплин. М., ГАСК, 2006; Он же. Академический проект «История культур славянских народов»//Вестник славянских культур. М., 2008., №1-2. С.192-194; Он же. Российская идентичность в свете освоения культурного наследия и образ России в оптике средств массовой информации зарубежных славянских стран//Вопросы культурологии. Сб. научных трудов ГАСК. Вып. 8. М., 2009. С.49-61.

⁷⁵ Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. Б.м., 1995.; Данилова Е. Н., Ядов В.А. Россияне и поляки в условиях общественных перемен//Социологические исследования, №7, 2007., С. 24 - 30.; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: учебное пособие. 3-е изд., М., 2007.

⁷⁶ Дробижева Л. М., Даен Д. В., Социология межэтнической толерантности/Отв. ред. Л.М. Дробижева, М., 2003.; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М., 1999.; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов/ Отв. ред. Л.М. Дробижева М., 1994.; Дробижева Л.М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России// Философские исследования, № 2, 2003., С. 8 - 31.; Дробижева, Л. М. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. Олкотт, М. Б., Тишкова, В. А. - М., 1997. - С. 47 – 55.

⁷⁷ Chamot M. Entuzjazm i zwątpienie. Obraz własny Polaków w wybranej publicystyce prasowej trzech zaborów w latach 1864-1914. Toruń, 2003.

⁷⁸ Булахтин М.А. Идеология и политическая практика партии “краковских консерваторов” в 1907 - 1914 гг. Автореф. дисс. докт. ист.наук. - М., 2009.; Общественное движение на польских землях: Основные идейные течения и полит. партии в 1864-1914 гг. М., 1988.; Wujnicki T. Przełom antypozytywistyczny w polskiej świadomości kulturowej końca XIX wieku. Wrocław, 1986.; Bobińska С. Ideologia rewolucyjnych demokratów lat 60-tych. Warszawa, 1955.; Bartnik St. Idea polskości. Radom, 2001.; Jeske-Choiński T. Pozytywizm warszawski i jego główni przedstawiciele. Warszawa, 1885.; Kallenbach J. Towianizm na tle historycznym. Krakow, 1924.; Król M. Konserwatyści a niepodległość: Studia nad polską myślą konserwatywną XIX wieku. Warszawa, 1985.; Sikora A. Posłannicy słowa: Hoene-Wroński; Towiański; Mickiewicz. Warszawa, 1967.; Stańczycy: Antologia myśli społecznej i politycznej konserwatystów krakowskich, Warszawa, 1985.; Tarnowski S., Nasze dzieje w XIX wieku, Krakow,1901.; Ujejski J. Dzieje polskiego mesjanizmu do powstania listopadowego włącznie. Lwow, 1931.; Wałicki A. Idea narodu w polskiej myśli oświeceniowej. Warszawa, 2000.; Ї ёł, Polska, Rosja, marksizm: Studia z dziejów marksizmu i jego recepcji. Warszawa, 1983.; Ї ёł, Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002.; Witwicki S. Towiańszczyzna wystawiona i annexami objaśniona. Paris, 1844.

проблему компаративного анализа мессианизма и славянофильства, что было популярно в конце XIX в.⁷⁹

В отечественной науке настоящая тема рассматривается впервые.

Объект исследования – формирование стереотипического образа России и русских в польском общественном сознании 2-ой половины XIX в. в контексте культурно-идеологического развития польского общества.

Предмет исследования – польская консервативная пресса 1863-1905 гг. как инструмент формирования и функционирования негативного образа России и русских в контексте феномена польского мессианизма.

Проблема исследования состоит в выявлении процесса формирования и функционирования в польском обществе определенного образа России и русских, сформированного польской прессой под влиянием, в первую очередь, самоидентификационного образа, выработанного польской культурой и ее идеологами.

Гипотеза, доказываемая в данном исследовании, состоит в том, что на формирование и становление польской оптики России и русских повлияла, в первую очередь, концепция польского мессианизма (идеологизированное польское мессианское сознание), являющегося специфической формой польского сознания, выработанной в ходе длительного историко-культурного развития польского социума в условиях цивилизационного пограничья.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и показать генезис и динамику влияния мессианизма – основной формы польского этнокультурного самосознания, его составляющих, на формирование образа России и русских в польской прессе рассматриваемого периода.

Задачи исследования. Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- выявить культурные универсалии и специфику польского мессианизма XIX в.;

- проанализировать влияние данной формы идеологии на формирование образа России и русских в польской прессе как части польской культуры;

- показать распространенность в польской прессе рассматриваемого нами периода негативного отношения к России;

- дать детальный анализ польской оптики России, различая такие составляющие как царское правительство и его политика по «польскому вопросу», Россия как имперское государство, менталитет русского чиновничества, личностные характеристики крупнейших русских консерваторов в политике и идеологии (Катков, Муравьев), ментальность простого русского народа и ее типические черты, специфика России с точки зрения типологии цивилизаций.

- дать оценку универсального образа русского в польской прессе, определив основные составляющие «мифа» о России.

Методологическая основа диссертации. Диссертант опирается на синтетическую культурологическую методологию, используя *междисциплинарный*

⁷⁹ Zdziechowski M. Mesyanisci i slowianofile: szkice z psychologh narodow slowianskich. Lwów, 1888.

подход, способствующий реализации принципа *системности*. Принцип системности, в свою очередь, требует привлечения методологии *структурно-функционального анализа*. В целом названные выше подходы позволяют конкретизировать комплексный метод *культурологического анализа*, примененного к исторически отдаленной эпохе. Используя принцип восхождения от конкретного к абстрактному, диссертант стремится к реализации комплексного видения образа другого, персонифицированного в России и русских, в польской периодической печати 2-ой половины XIX века, что позволяет выявить некоторые из основных концептов польской культуры рассматриваемого периода.

Источниковедческую базу исследования составила группа текстов, представленная публицистическими произведениями религиозно-философского и социально-политического характера, представленных в основном на страницах польской периодической печати 1863-1905 гг. Для анализа были взяты следующие издания («*Пшеглонд польски*», «*Газета Польска*»). Использовалась русская пресса тех лет (газета «*Московские ведомости*»), а также архивные материалы, в частности фонды 2-ой газетной экспедиции АВПРИ. В аспекте избранной темы данные источники используются впервые.

Научная новизна исследования, представленного к защите, заключается в комплексном характере проводимого культурологического анализа, а также тех выводах, которые были получены при его применении к историко-культурному материалу. В интерпретационном плане впервые предпринята попытка прочтения указанных нарративов сквозь призму рассмотрения формирования образа России в польской культуре 2-ой половины XIX в. Фактически речь идет о попытке реконструкции закономерности формирования образа России и русских с учетом ценностных предпочтений, национально-территориальной конфигурации, политических и исторических реалий Польши. Сравнение отношения польской периодической печати к разным социальным объектам (власть, общество, политика, личность) позволяет, в свою очередь, выявить структурно-типологические универсалии польского культурно-исторического мышления.

Рассматриваемая нами эпоха в польской культуре прошла под знаком мессианизма, основные концепты которого, присутствующие в настоящем исследовании, проецируются на польское общество в целом. Мессианская философия важна для понимания специфики национальной идентичности польского народа и его позиционирования в славянской и шире, европейской и мировой, национально-культурной среде.

Системный анализ польского видения России на исследовании основного коммуникативного средства XIX в. – прессы – предпринят нами впервые. Также впервые дается анализ польского пейоративного образа России как целостности идеологической, политической, ментальной, обусловленной не только исторически, но и на уровне идеологемы мессианизма в его специфически польской интерпретации. Именно собственный мессианизм мы, кажется впервые, предлагаем считать основной детерминантой формирования гетеростереотипа, в данном случае России как главного объекта польской рефлексии.

В этой связи инновационность данной работы открывает серьезные перспективы для развития исследований по выявлению влияния польского мессианизма на развитие российско-польских отношений и формирование «образа другого», расширяя при этом методологические рамки применения культурологической компаративистики в исследованиях российско-польских отношений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Польский мессианизм можно характеризовать как главную национальную идеологию XIX в., детерминирующую идентичность (польскость) и позиционирование члена этносоциального организма в социокультурном и политическом пространстве. Мессианизм в его различных модификациях является культурной доминантой польского общества в условиях, сложившихся после разделов Польши.

2. На формирование польской оптики образа России и русских основное влияние оказал польский мессианизм. Национально-культурная самоидентификация базировалась на религиозной составляющей - католицизме и идее сохранения его чистоты. Носителями такого типа религиозности («христианство, сохранившее свою чистоту», «истинное христианство») объявлялся польский народ, что имело следствием формирование идеологии конфронтационности с другими народами Европы, утратившими чистоту христианской веры, впавшими в атеизм (Западная Европа), или принадлежащими к православной конфессии, расценивавшейся как схизматическая (Россия). Данная позиция обусловила специфику польской ксенофобии XIX в., в которой сочетались не только этнический, политический, культурный, но и религиозный компоненты. Наиболее сильно конфронтационно-ксенофобский комплекс польского консервативного сознания проявился по отношению к России и русским как носителям и распространителям православия.

3. Образ России и русских, репрезентируемый польской консервативной прессой и публицистикой, следует охарактеризовать как негативный, пейоративный, способствовавший укреплению и распространению русофобии в консервативном сознании преимущественно в тех польских областях, отошедших к Пруссии и монархии Габсбургов.

4. Польская периодическая печать и публицистика являлась ретранслятором отношения к России в польской консервативной общественной среде, что способствовало укоренению выработанного негативного, пейоративного образа России и русских и его стереотипизации, распространению его на все польские земли.

5. Польская пресса утвердила в сознании поляков имагологический стереотип русских, который взял на себя функцию исторического мифа и в таком качестве существовал и во многом продолжает существовать в польском сознании и польской культуре, входя в группу факторов, поддерживающих традиционный тип самосознания, польскости, обязательно включающий в себя пейоративный образ «другого» как средство самоутверждения.

6. Разницу русского и польского цивилизационного типа принято связывать с антиномией Азия-Европа, варварство-цивилизация, византизм-западничество, чему мы находим подтверждение в материалах польской прессы XIX в.

7. Ретроспективное социокультурное моделирование, учитывающее ценностные основания коммуникативных практик (в нашем случае – периодическую печать), дает основания для научного подхода к изучению российско-польских отношений и проблем межкультурного взаимодействия, для понимания генезиса, формирования, развития и влияния на общество в целом идеологием, определяющих «образ другого».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Используемые в исследовании методы и полученные результаты могут быть задействованы для дальнейшего развития компаративной культурологии, теории культурологической экспертизы формирования «образа другого» для исследований имагологического характера. Результаты работы будут полезны как культурологам, так и историкам в исследованиях по социокультурной специфике российско-польских отношений.

Результаты, полученные диссертантом, также могут быть использованы в высшем образовании при чтении общих культурологических курсов и специальных курсов по истории и культуре Польши и России, по кросс-культурной коммуникации и имагологии.

Апробация исследования.

Основные положения и выводы исследования были изложены автором диссертации в докладах и сообщениях на следующих научных конференциях: V Конвент РАМИ «Мировая политика: взгляд из будущего» (Москва, МГИМО (У) МИД РФ, октябрь 2008); Актуальные проблемы современной науки (СПб, Невский институт языка и культуры, апрель, 2009); Кирилло-Мефодиевские чтения (Москва, Институт русского языка, май 2009); Рождественские чтения (Москва, ГАСК, январь 2009, 2010); Международная научно-практическая конференция «Молодежь – культура – политика» (Москва, МГУ, ноябрь, 2010); Международная научная конференция «История и культура славян в прошлом и настоящем, (Москва, Институт славяноведения РАН, декабрь, 2010).

Авторская гипотеза получила свое освещение в ряде научных публикаций. Результаты исследования используются в спецкурсах по истории и культуре Польши, читаемых автором в ГАСК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Во **Введении** отражена общая характеристика темы исследования, ее актуальность и новизна, а также теоретическая и практическая значимость; выделены объект и предмет исследования, сформулированы его цели и задачи; названы основные научные методы, использованные при написании диссертации, дан обзор историографии проблемы и сформулированы тезисы, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации – «Общественно-политическая мысль Польши и идеология польского мессианизма XIX века» посвящена комплексному анализу центрального феномена идеологии польского общества - польскому мессианизму, оказавшему существенное влияние на всю культуру и общественную мысль рассматриваемого периода.

В первом параграфе «Историко-культурная специфика формирования польской общественно-политической мысли в условиях утраты государственности» дается обзор основных исторических событий, связанных с действиями Российской империи в отошедших в ней в конце XVIII – начале XIX в. частях Польши. Особое внимание уделяется роли национально-освободительных восстаний 1830 и 1861 гг. в формировании тех течений, которые стали определяющими для развития польской общественно-политической мысли и культуры.

Во втором параграфе «Сарматизм как источник формирования польской идентичности» рассматривается в общих чертах становление специфического польского сарматизма и его основные особенности.

В третьем параграфе «Польский мессианизм как модель сакрального образа Польши» на основе источников анализируется специфика польского мессианизма и концепты, детерминировавшие становление сакрального образа Польши, оказавшего существенное влияние на формирование польского отношения к России и русским и на восприятие других народов в целом.

В четвертом параграфе «Польский мессианизм и отношение к другим этно-конфессиональным сообществам в сочинениях А.Мицкевича и З.Свентославского» рассматривается концепция мессианизма в произведениях выдающегося польского поэта-романтика Адама Мицкевича и яркого представителя польского мессианизма З.Свентославского. Особая роль в формировании законченной мессианской концепции в польской культуре принадлежит именно А. Мицкевичу. У него мессианизм, помимо религиозно-философской, приобрел очень конкретную политическую окраску.

В пятом параграфе «Отношение к России польской революционной демократии, консерваторов, позитивистов и марксистов» дается общая картина отношения к России основных течений польской общественно-политической мысли второй половины XIX в. Эта картина отличается большой степенью вариативности. Один из столпов польской демократии Иоахим Лелевель (1786-1861) «ничего не имел против народа российского, которого приятно называть побратимом, уважать его права»⁸⁰. По мнению И. Лелевеля, поляки и русские должны подать друг другу руки и действовать, как один человек.

Борьба за свободу, возведенную в сакральную ипостась, активно поддерживалась революционными демократами, в частности Ярославом Домбровским (1836-1871), жизнь которого была непрерывным доказательством польского свободолюбия.

На противоположном полюсе от революционного направления находились серваторы – парижский Отель Ламбер Адама Чарторыского, а

⁸⁰ Цит. по кн. Lefewel J. Wybór pism politycznych. Warszawa, 1954. S.221.

также краковские консерваторы – станьчики, которые видели в России источник всех польских бед.

Польский позитивизм приобрел достаточную популярность на территории Царства Польского. Позитивисты открыто не выступали против самодержавной власти и Российской империи, они по-своему боролись за польскую свободу – посредством индивидуального «труда у основания», разделяя идею «органического труда», сформированную французскими и английскими философами-позитивистами. Отношение к России у позитивистов определялось их главной целью – достижение свободы и благополучия посредством просвещения, поэтому их деятельность была направлена против рабства мысли, принижения других, обмана, ультрамонтанизма и других признаков «двойной бухгалтерии» духа.

На смену позитивизму приходит марксизм, одним из первых идеологов которого был Адам Сонщедзкий. Марксизм отрицает так называемый «национальный эгоизм», поэтому каждый народ имеет право на свое развитие, существование, успехи, достижения. Идеологема избранности польского народа нивелируется. Теперь польский народ не противопоставляется русскому, как антипод, а рассматривается как союзник в борьбе за общую идею победы пролетариата над царским гнетом.

Вторая глава «Пейоративный образ России и русской культуры (русобфобский дискурс польской прессы Познани и Галиции 1863-1905 гг.)» посвящена анализу образа России и русских в польской периодической печати, преимущественно консервативного направления.

В первом параграфе **«Культурологические универсалии формирования образа «другого», позиционируемые польской публицистикой»** выявлены основные факторы формирования образа другого и мифологизации образа русского. Рассматривая образ русского в польской прессе, мы связываем его с идеологи-зированным национальным сознанием – в нашем случае мессианизмом.

Мифологизация идеологии строится на трех основных элементах мифа:

- время и история народа (этногенетический миф),
- пространство (картина мира и образ отечества),
- человек во времени и пространстве.

В условиях, когда культурно-политическая жизнь польского народа проходила в отсутствии собственного государства и включенности польского народа в иные государственные образования (Австро-Венгрия, Пруссия, Россия), на первый план выступает национально-патриотический элемент, а ведущую роль занимает политика и культура, выступающая в роли духовного объединителя нации. Неудовлетворенность актуальным общественно-политическим положением вызывала в польской среде повышенное внимание к действиям российского правительства, его законодательной практике, а также способствовала формированию негативного образа России и русских под влиянием польского мессианизма в целом. По мнению И.К. Кучмаевой, «актуализация отдельных групп ценностей всегда связана с конкретно-историческим этапом общест-

венного развития, всякий раз уточняя принципиальное положение о первоочередном освоении ценностей, которые имеют особое социальное значение и выдержали испытание временем»⁸¹. Формировавшийся еще с конца XVI в. специфический польский сарматизм, ставший самовыражением и формой самопрезентации шляхты, в XIX в. видоизменился в польское мессианство, являвшееся мифологизированной идеологией с элементами сакрализации истории и культуры польского народа в целом.

Во втором параграфе «Отношение к государственной власти и политике Российской империи» подробно проанализирован корпус фактов, относящихся к восприятию власти и политики России в Царстве Польском и Западном крае.

Образ России и российского правительства складывался из нескольких компонентов:

- восприятия политики российского правительства, выражаемой в идеологии и действиях, осуществляемых чиновничеством;
- позиции российской общественности по «польскому вопросу» в официальной периодической печати;
- персонализации собирательного образа русского в публичных людях (Муравьев, Катков, Черкасский, Гурко, Апухтин).

Особое внимание уделялось законотворческой деятельности российского правительства.

Польская пресса способствовала тому, что у читателя складывалось мнение о принципиальной антипольской направленности принимаемых в России законов. Тот или иной закон, наносивший, по мнению поляков, удар по «польскости», рассматривался через антироссийскую призму.

В первом подпараграфе «Политика насильственной москализации в польской прессе» рассматривается восприятие законотворческой деятельности Российской империи в свете концепции «москализации» польского элемента в России. Идея «московского панславизма» также воспринималась в свете рас-пространения «московского» влияния на другие славянские народы.

Во втором подпараграфе «Государственные и общественные деятели Российской империи в оптике польской прессы второй половины XIX в. (казус М.Муравьева и М.Каткова)» мы анализируем отношение польской прессы к двум ярким общественным деятелям Российской империи, чаще всего упоминаемым в польской периодической печати. Именно их высказывания широко цитировались для доказательства неприязни российских официальных лиц к польскому элементу как таковому, то есть полонофобии.

В третьем подпараграфе «Образ русского чиновника как одна из составных частей собирательного образа русского» рассматривается поведение чиновничьего класса, оценивавшегося в польской прессе резко негативно из-за его коррелированности, культурной отсталости, полонофобии.

В третьем параграфе второй главы «Влияние политики российского правительства в польских землях на восприятие этно-конфессионального

⁸¹ Кучмасева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М., 2006. С.10.

образа русских в польской прессе (1863-1905 гг.)» проводится рассмотрение и анализ перцепции действий российского правительства в отношении католичества и униатства на польских и украинских землях. Одним из определяющих факторов пейоративного восприятия России и русских было отношение поляков к русскому православию. Таким образом в польской оптике православие становилось составной частью угнетения поляков Россией. Отсюда его негативная оценка. Польская пресса, говоря об антикатолической политике Российской империи, оперировала прежде всего фактами притеснения греко-католиков.

К политическим детерминантам негативного отношения к православию следует добавить цивилизационные. Широко известно, что отношение поляков к русским, противопоставление Польши и России базировалось на цивилизационных различиях, ярко выраженных в конфессиональной принадлежности⁸².

В четвертом параграфе **«Собирательный (универсальный) образ русской культуры в польской прессе Галиции»** мы выделяем составные черты универсального образа России и русских. На основании рассмотренных нами источников («Пшеглонд Польски», «Час», «Дзенник Познаньски», «Газета Польска», архивные материалы 2-ой газетной экспедиции по польской периодической печати), можно сказать, что типичный образ русского как представителя конкретной этно-цивилизационной общности был много-плановый, но в целом негативный. Из него можно выделить следующие характерные составляющие:

- азиатизм, присущий русским, вызывавший характерные для них безответственность и склонность ко лжи и изворотливости; корыстолюбие и взятничество, жестокость, распушенность;

- склонность к пьянству, алкоголизму, увеселениям;

- чрезвычайная бюрократизация государственно-политической системы;

- нетолерантность в отношении униатства;

- агрессивный экспансионизм.

Сам образ России складывался как синтезный образ русских, русского населения и русской культуры в целом и российского правительства. Черта, их отделяющая, на которую указывали польские романтики первой половины XIX в., уже не принималась во внимание. Такой упрощенный подход, лишенный дифференцированности, способствовал созданию монолитного образа России как главного «супостата» польского народа, а русскую культуру воспринимал как чуждую.

В Заключении приведены основные итоги диссертационного исследования, обозначены перспективы их применения в дальнейшей работе по изучению российско-польских связей, культурологических концептов формирования образа другого и стереотипизации этого образа.

⁸² Так, данную позицию отстаивает польский ученый Ханна Ковальска-Стус: Kowalska-Stus H. Rosja - Polska. Konflikt dwóch cywilizacji chrześcijańskich // Drogi i rozdroża kultury chrześcijańskiej Europy. Częstochowa, 2003. С.45-70.

К основным выводам относятся следующие:

1. Формировавшийся еще с XVI века специфический польский сарматизм, ставший самовыражением и формой самопрезентации шляхты, в XIX веке видоизменился в польское мессианство, являвшееся мифологизированной идеологией с элементами сакрализации истории, культуры польского народа в целом.

2. Стереотипизация происходила на основании польского национально-исторического мифа – мессианизма. В нашем исследовании мы выделяем основные универсалии мессианизма, повлиявшие на формирование стереотипа России и русских в польской среде и культуре 2-ой половины XIX в. На цивилизационных противоречиях Запад-Восток, католицизм-православие формировалось, в частности, отношение к российскому православию и государственному устройству.

3. Польская пресса воспринимала законодательную деятельность российского правительства как насильственную политику москализации.

4. Православие воспринималось как выражение тоталитарного административного устройства и самодержавной власти императора. Причем польская пресса рассматриваемого периода не вникала в суть православного мировоззрения.

5. Одним из основных факторов в формировании стереотипичного образа русского в польской среде было отношение чиновничьего класса к польскому элементу в Царстве Польском.

6. На основании многостороннего рассмотрения реалий польской культуры в польской периодической печати 1863-1905 можно сделать общий вывод о том, что отношение к России и русским строилось на польском мессианизме.

Научные статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК

1. Травкина А.А. «Перцепция польского образа России и русских в газете «Московские ведомости» // Ученые записки РГСУ, 2010, №2., – С. 82-87.

2. Травкина А.А. Отношение к российскому славянофильству и панславизму в польской прессе Галиции. 1863-1905 гг. // Социальная политика и социология, 2011, №1, – С.109-117.

Научные статьи, тезисы докладов и выступлений

1. Травкина А.А. Концепция славянства в творчестве Адама Мицкевича и роль России в ней // Актуальные проблемы современной науки, СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008, – С.276-280.

2. Травкина А.А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века // Вестник славянских культур, М.: ГАСК, 2008, №3-4 (X). – С.56-64.

3. Травкина А.А. Влияние польского романтического мессианизма на формирование пейоративного образа России и русских в польской культуре второй половины XIX века // сб. Кирилло-Мефодиевские чтения, М.-Ярославль, 2009, – С.126-130.

4. Травкина А.А. Образ России и русских в польской культуре 2-ой половины XIX века // Материалы V Конвента РАМИ, М., 2010.

5. Травкина А.А. М.Муравьев и М.Катков в оптике польской прессы второй половины XIX в. (на основании корпуса архивных материалов 2-ой газетной экспедиции МИД и «Пшеглонда Польского») // Przegląd Wschodnioeuropejski, 2011, №2, – S.109-122.

6. Травкина А.А. Влияние политики российского правительства в польских землях на восприятие православных в консервативной польской прессе (1863-1905 гг.) // Христианская культура и славянский мир. Материалы XVIII Рождественских образовательных чтений. М., 2010.

7. Травкина А.А. Образ России и русских в журнале «Обозрение польское» // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. 2009, Вып.1, – С.53-58.

Подписано в печать 17.11.11
Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз.

Государственная академия славянской культуры (ГАСК)
125373, Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39, к. 2
Тел. 948-25-10, факс 948-92-00